

Бинокль для всевидящего ока

Автор:

Дарья Донцова

Бинокль для всевидящего ока

Дарья Аркадьевна Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #44

Да уж, трудно опровергнуть эмоциональное изречение великого поэта: «Весь мир – театр, а люди в нем актеры». Столь бурный вулкан страстей, интриг и измен, вскипевший за кулисами театра «Семь гномов», даже самым гениальным лицедеям ни за что не сыграть! Прямо в театре убивают актрису Ирину Булову. Да-да, ту самую любовницу главного режиссера Никиты Сергеевича, ловеласа и хвастуна, деспота и любителя молоденьких актрис. И кто попадает под подозрение в первую очередь? Конечно же, супруга Никиты – директор «Семи гномов» Раиса Горкина. Что ж, мотив вроде ясен. Пазл сложился? Ага, как бы не так! Виола Тараканова, которая оказалась в театре в момент преступления, очень скоро поняла, что самая захватывающая игра разворачивается вовсе не на сцене, а вокруг страшной семейной тайны...

Дарья Аркадьевна Донцова

Бинокль для всевидящего ока

© Донцова Д. А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Очень много денег заработает человек, который сделает женскую сумочку с фонариком, откроешь ее, а внутри вспыхивает свет.

Я вздохнула и продолжила рыться в ридикюле. Расческа, конфетка, пудреница, пачка носовых платков, штопор... А он откуда? Как этот предмет попал в мою сумку? Я, писательница Арина Виолова, или просто Вилка, не страдаю профессиональной болезнью литераторов. Только не подумайте, что я имею в виду артрит, который поражает суставы рабочей кисти из-за того, что человек постоянно ею пишет или стучит по клавиатуре компьютера. Многие поэты и писатели проводят свое время в компании с горячительными напитками. Вот они не удивятся, найдя у себя в портфеле штопор. Но мне-то он зачем? Сзади раздался нервный гудок. Я отложила сумку, отпустила педаль тормоза и медленно двинулась вперед. Через пару секунд снова раздался резкий гудок, но теперь он летел слева. Я повернула голову и увидела, что рядом едет новая иномарка. Водитель с лицом интеллигентного человека, в очках, сделал движение рукой. Я сообразила, чего он хочет, опустила стекло и улыбнулась.

– Добрый день. Могу вам чем-то помочь?

– Да, – завопил незнакомец. – Ты... мужика... тачку от мужика... за... получила! Теперь научись, ... ездить!.. У автомобиля есть педаль газа!.. Не... спать за рулем. Люди на работу спешат! Не все, как ты, ..., под одеялом пашут. Некоторым надо по часам к станку становиться!..

Произнеся сей спич, водитель рванул вперед. Несоответствие его внешнего облика и поведения меня ошеломило. Хотя почему я жду грубости от бомжа, который клянчит денег на бутылку, и думаю, что мужик в костюме и при галстукке, да еще в очках, непременно читает на ночь Чехова и извиняется перед кошкой, если случайно наступит ей на хвост? Бездомный вполне может оказаться вежливым человеком, а господин в пиджачной паре – грубияном.

Я перестроилась в левый ряд. Наверное, у злобного дядьки какие-то неприятности, он не справляется с эмоциями, вот и плюется гневом на всех. Жалко его окружающих. Ну вот почему кое-кто, увидев на шоссе женщину в красивой машине, норовит обозвать ее шлюхой? Разве только те, кто профессионально занимается сексом, могут заработать на симпатичную

малолитражку? Я купила автомобиль на деньги, которые мне заплатило издательство. И если спросить у тех дам, что рулят неподалеку от меня, как они приобрели тачки, то большинство ответит – взяла кредит. Но даже если вам машину подарил любимый, что в этом плохого? Настоящие мужчины с удовольствием делают презенты своим женщинам, чтобы их порадовать. Вот я, например, обожаю, когда Степан приходит домой с подарком, но это не означает, что я живу с ним ради его подношений. И, если уж совсем откровенно, кое-какие покупки мужа бывают чрезмерно оригинальными. Я ухмыльнулась, вспомнив, как Степа притащил мне ручку. Производители обещали, что она не требует заправки и прослужит... Мой взгляд случайно упал на часы, и я нажала на педаль газа. Потом предамся воспоминаниям, надо поторопиться, нельзя опаздывать.

Сегодня у меня ответственный день. В театре «Семь гномов» решили поставить пьесу по моему роману. Я спешу на встречу с главным режиссером, а заодно владельцем театра, и ведущими актерами.

Перед капотом появились железные ворота. Несколько минут я провела перед ними, потом нажала на гудок. Из будки вышел охранник.

– Вы куда?

– В театр «Семь гномов», – отрапортовала я.

– Да? – удивился парень. – Здесь есть такой?

– Это завод «Можпышмаш», – ответила я, – там есть цех по изготовлению сковородок. Так объект назывался в советские годы. Сейчас это «Творческий комплекс. Лучшая сцена». Театр находится в помещении, где ранее производили кухонную утварь.

– Погодите, – велел секьюрити и исчез в будке.

Спустя пять минут я набрала телефон Сони Качкиной, начальницы департамента пиара и рекламы издательства «Элефант», и пожаловалась:

– Я приехала по твоей просьбе в театр. Но меня не пускают на территорию.

– Подонки! – завопила Софья.

У Качкиной мать эстонка, а отец из Бразилии. Три дня в неделю Сонечка апатична, медлительна, говорит долго и невнятно. Еще трое суток она громогласна, возмущается по каждому поводу, летает на метле под потолком издательства. Какова Качкина в воскресенье, понятия не имею, мы с ней общаемся только по службе. Возможно, в свой единственный выходной она до обеда эстонка, а потом бразильянка. Или наоборот. Лично я сразу понимаю, кто она сегодня. Например, Соня встречает меня на пороге своего кабинета, держа в одной руке чашку с кофе, в другой телефон, и говорит: «Привет, Вилка! Алло, вы тут? Быстренько посчитайте остатки книг Петрова на складе. Хочешь чаю? И проверьте фантастику. Чем могу помочь тебе, дорогая?» То есть если Качкина одновременно ведет два разных разговора, пьет капучино, ест булку, подписывает документы, то она сегодня явно из Бразилии. А вот когда Сонюшка сидит за столом и, обхватив голову руками, ноет: «О-о-о! Разве можно успеть подписать за два дня поздравление с днем рождения писателю Петрову», то она эстонка. Сегодня, похоже, в Соне кипел карнавал Рио-де-Жанейро.

– Мерзавцы, гады, я сто раз их предупреждала. Уроды! Сейчас забегают как ошпаренные, – кровожадно пообещала Соня и отсоединилась.

И почти сразу ворота, которые преграждали мне путь, раздвинулись, я въехала во двор и растерялась. Повсюду стояли одинаковые старые здания из красного кирпича, на дороге валялись куски бетона и какие-то железки. Между кучами строительного мусора пробирались прекрасные девушки в мини-юбках и туфлях на невероятно высоких каблуках. Их лица переливались всеми красками макияжа, волосы цвета майонеза поражали замысловатыми прическами. Рядом с нимфами двигались хмурые парни в джинсах, они тащили штативы, камеры, огромные сумки.

Я высунулась из окна и попыталась остановить одну из принцесс:

– Простите, где тут цех сковородок?

– Не знаю, – на ходу бросила она, – у нас фотосессия.

Вторая блондинка оказалась приветливей:

– Бабушка, вы тут ничего подешевле не купите. В поисковике написано «завод», но здесь ни фи́га не производят. Ехайте к метро, там есть торговый центр. Удачи вам.

Девушка говорила вежливо, но тоже не притормозила. Я в растерянности посмотрела в зеркало. Бабушка? Еще утром я никак не походила на старушку. Между прочим, глагола «ехайте» не существует, впрочем, как и «едь», сии слова неправильны с точки зрения норм морфологии русского языка. Но поскольку многие жители столицы на вопрос: «Откуда вы приехали?» – возмущенно отвечают: «Да я с Москвы», то не стоит придираться к девице.

Мимо моей машины прошел парень в темно-синих джинсах и короткой кожаной куртке, он тащил картонную коробку. Я обрадовалась, вот кто, наверное, подскажет мне правильное направление, и закричала:

– Молодой человек! Где цех сковородок?

Парень притормозил и обернулся.

– Ой, – вырвалось у меня, – простите... э... коробка... я думала, что вы... ну...

– В нашей стране равноправие, – спокойно ответила женщина, – слабый пол тоже таскает тяжести.

– Не хотела вас обидеть, – смутилась я.

– Наоборот, сказали комплимент, – улыбнулась тетушка. – Если в моем возрасте со спины я похожа на юношу, это радует. Не разожралась я до состояния заматерелого бизона. Знаю, где сковородки клепали, там теперь театр «Семь гномов». Езжайте вперед до красного здания с желтыми окнами, там направо триста метров, по диагонали через площадь в ворота, налево три раза...

– Простите, вы, случайно, не туда идете? – осведомилась я.

В ту же секунду к моей стройной собеседнице приблизилась молодая дама и строго сказала:

– Вера, немедленно идите к Анне Сергеевне. Она давно вас ждет.

– Так на склад всегда Раиса Николаевна ходит, – стала оправдываться Вера, – я не знала, где вход в него. Еле нашла. Думала, что ваша мама, как всегда...

Дама прищурилась.

– Мама не носильщик. Для черной работы наняты вы. Госпожа Горкина слишком ответственна, поэтому работает за вас. Шагом марш к Анне.

Вера было открыла рот, но дама, сделавшая ей выговор, быстро удалилась.

– Слышали? – возмутилась Вера. – Я ей что, крепостная девка? Лена вообще хамка, но сегодня даже превзошла себя. Раиса всегда говорит: «На складе расходники беру только я! Они денег стоят». Никогда меня туда не посылали. А сегодня Елена вошла в комнату и как заорет: «Вера, живо за гримом и всем остальным по списку». Сунула мне бумажку, сама унеслась, ничего не объяснила. Вот почему Раиса не пошла? Елена Горкина, ведущая актриса, ее отец, Никита Сергеевич, основатель и главный режиссер театра, Раиса, ее мать, директор. Да, я иду в сторону нужного вам здания.

– Давайте вас подвезу, – обрадовалась я.

– Не стану отказываться, – улыбнулась моя собеседница.

Глава 2

– Может, начнем совещание? – предложила я. – Кого мы ждем?

– самого главного, – нежно пропела симпатичная девушка с кудрявой головой, – Никиту Сергеевича, нашего режиссера. Скорей всего, его дела задержали. Обычно Горкин никогда не опаздывает.

Тощий парень, который сидел рядом со мной, хихикнул, тут же замаскировал смешок кашлем и предложил:

– Может, познакомимся? А то ведем себя как совы при луне. Каждая на своей ветке, молчим, моргаем.

– Отличная идея, – согласилась я, – меня зовут Виола Тараканова. Под псевдонимом Арина Виолова я пишу детективы.

– Актер Ленинид Тараканов – ваш муж? – спросила полная женщина в красном платье.

– Он ее отец. Супруг Степан Дмитриев, бизнесмен, кроме всего прочего, владеет фирмой, которая бесплатно помогает всем, кого облыжно обвинили в не совершенном ими преступлении, – громко прочитал лохматый юноша, глядя в компьютер. – Извините, не утерпел, прогуглил вас. Я Юра Миронов, художник. По левую руку от меня сидит Ада Николаевна, ведущая актриса.

Дама в красном платье поморщилась.

– Юра, при всем моем уважении к вам, я вынуждена опять сделать замечание. Я прима.

– Простите дурака, – тут же стал каяться Юра. – Что с художника взять? Да еще с такого, который на первом спектакле работает? Не разбираюсь я пока в театральной иерархии. Вот Ира кто?

Кудрявая девушка развела руками:

– Я просто актриса.

– Ясно, – сказал Миронов, – но если Ада Николаевна прима, то кто Елена Никитична?

– Дружок мой, кем в театре является дочь его основателя, хозяйина и главного режиссера? – с самым невинным видом пропела Ада. – Конечно же, она звезда! Яркая! Неугасимая! Гениальная! Любая роль ей подвластна, от Колобка до

Дездемоны. Синтетическая исполнительница. Уникальное явление. Таких, как Лена, единицы. Ей бы в Голливуд. Кстати, Леночка, я сейчас шла на собрание, смотрю, впереди ваша матушка по коридору идет, какой-то мешок тащит. Я крикнула: «Рая! Не носи тяжести, возраст уже не тот». Она не отреагировала. Я догнала ее, взяла за плечо... ба, а это Ирина! Булова с каждым днем становится все больше и больше похожей на Раису. Сейчас она прямо клон твоей матери. Всегда была блондинкой! И вдруг! В один день стала шатенкой, вместо длинных волос – каре, свитер серый и мешок в руке. Рая номер два. Поразительно, на что молодые девушки идут, чтобы только роль получить.

– На мой взгляд, деление труппы на простых и великих исполнителей нелепо, – заметила Елена. – Думаю, понятно, что есть талантливые и бездарные актеры. А уж у кого какие погоны на плечах, звания, медали и тому подобное, не важно.

Я мысленно ей заплодировала. Ай да умница, сделала вид, будто не поняла, что Ада издевается.

Дверь хлопнула, в комнате появился мужчина в очках, тот самый, что грубо накричал на меня на шоссе.

– Все на месте? – поинтересовался он. – Никто не опоздал? Явиться не вовремя – значит проявить неуважение к коллегам. Приезжать раньше – нецелесообразно. Вот я прибыл точнехонько в четырнадцать, как штык!

Я, молча слушая Горкина, вынула телефон и посмотрела на сообщение от Сони. «Завтра, в тринадцать тридцать. Театр «Семь гномов». Не опаздывай. Режиссер обидчив, как енот, и вонюч, как скунс. Решит, что писательница его не уважает, устроит фейерверк, разнесет все на фиг».

– Где автор? – спросил режиссер, усаживаясь во главе стола.

Я помахала рукой:

– Тут.

Никита Сергеевич прищурился, достал из кармана очечник, водрузил на нос очки и потер руки.

– Прекрасно. Начнем работать. Итак! Книга «Биография морской свинки». Криминальный роман. Главный герой Никита Павлов погибает на последней странице. Так?

Похоже, Горкин не узнал меня или сделал вид, что не узнал.

– Да, – подтвердила я, – его жена Нина поняла, что убийцей их сына является родной отец.

– Никто не может лишить жизни собственное дитя! – пафосно заявила Ада. – Это я вам как психолог по первому образованию говорю.

– А вот мне хочется придавить Васю, когда он с утра до ночи и с ночи до утра плачет, – признался Юра.

– Значит, Вася не ваш ребенок, – сказала Ада, – это я вам как психолог по первому образованию говорю.

– Стопроцентно мой, – усмехнулся парень, – сын похож на меня.

– Внешнее сходство ни о чем не говорит, – уперлась прима, – и очень часто это просто кажется. Вы уверены, что жена произвела Василия на свет от вас. Поэтому для якобы папаши мальчик становится якобы его копией. А в реальности...

– У него глаза голубые! – перебил артистку Юра. – Как у меня.

– Смешно! – воскликнула Ада. – У Никиты Сергеевича они того же цвета. Может, он отец Васи?

– Лида никогда с Горкиным не встречалась, – отбивался художник, – она в театре не бывала.

Ада Николаевна сделала широкий жест рукой.

– Москва огромна. Кафе, метро, много людей. Не обязательно ходить сюда. Есть гарантия, что ваша жена ни с кем не встречается? Не завела любовника?

- Вася – мой сын, – пробурчал Юрий.

- Но вы испытываете желание его придушить? – прищурилась Ада.

- Случается порой, – честно ответил парень.

- Родному отцу это никогда и в голову не придет! Это я вам как психолог по первому образованию говорю, – отчеканила актриса, – вы бессознательно понимаете, что мальчик плод левой связи, поэтому руки тянутся к горлу малыша. Но сознательное «я» останавливает порыв...

Мне стало жаль Юру, который явно растерялся, поэтому я вмешалась:

- У каждого отца бывают в жизни моменты, когда он злится на отпрыска. Но в романе нет и речи о прелюбодеянии. Причина смерти Никиты в его...

Горкин оторвал взгляд от экрана телефона.

- Хорошо, когда возникает бурное обсуждение спектакля. Главного героя, законченного мерзавца, которого убивают в самом конце...

- Никита случайно выпал из окна, – остановила я режиссера.

- В книге, – заметил тот, – а в театре мы его чик-чирик!

- Но... – начала я, и тут дверь распахнулась, на пороге появился мужчина.

Поскольку свет бил ему в спину, рассмотреть лицо было невозможно. Но почему-то он показался мне знакомым.

- Отлично! – потер руки Горкин. – Поскольку в коллективе нет ни одного артиста, который может сыграть главную мужскую роль, я решил пригласить звезду со стороны. Прошу любить и жаловать. Идите сюда, наш замечательный друг.

Вошедший молча прошел по комнате, поравнялся со мной, и я икнула.

– Доча! – обрадовался папаша. – Ты как здесь оказалась? Что поделываешь в театре, который ставит пьесы не для всех? Не ширпотребщину, а произведения с глубокой философией. А? Неужели ты посещаешь интеллектуальные спектакли?

– «Семь гномов» ставит пьесу по моей книге, – объяснила я, – а ты, похоже, исполнитель главной роли.

– Вы знакомы? – опешил Никита.

– Отец я ее, – голосом короля Лира возвестил Ленинид. – Качал Виолу в люльке, возил в коляске, менял памперсы.

Я очень хотела сказать правду: меня воспитывала женщина по имени Раиса. Папаша, профессиональный вор-неудачник, кочевал с зоны на зону. Я его впервые увидела, уже став совсем взрослой. И памперсов во времена моего детства в стране не было. Пришлось крепко стиснуть зубы и задушить порыв. Не стоит посвящать посторонних в семейную историю Таракановых[1 - Биография Виолы подробно рассказана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки»].

– Помогите! – закричал пронзительный дискант. – Кто-нибудь, скорей!

В комнату влетела растрепанная девушка.

– Никита Сергеевич! – завопила она.

– Успокойся, Анжелика, объясни членораздельно причину твоего безумия, – попросил Горкин. – Что опять? Мышь в гардеробной?

– Хуже, – прошептала девица, мигом становясь ниже ростом.

– Что может напугать тебя сильнее, чем крыса? – без тени улыбки осведомился режиссер.

– Там, там, там, – залепетала Анжелика, показывая рукой в коридор, – там...

– Ну, скажи уже наконец, – велел Юрий.

– Раиса Николаевна убила Иру, – выкрикнула Анжелика.

Стало тихо, потом приторно-красивый парень, который до сих пор сидел молча и чье имя я пока не знала, задал вопрос:

– Насмерть?

Елена вскочила и бросилась в коридор. Никита Сергеевич крикнул и неторопливо пошел за дочерью.

– Так я и знала, так и знала, так и знала, – твердила Ада, уносясь следом.

– Чего стряслось? – удивился Ленинид.

Юра махнул рукой и ушел, я последовала за ним.

– Подождите. Что случилось?

Художник, не останавливаясь, бросил:

– Вы же слышали, Рая лишила жизни Иру.

Я догнала Юру.

– Кто такая Рая?

– Жена Никиты Сергеевича, – начал объяснять парень. – Раиса Николаевна – очень добрая женщина, всем готова помочь. Я в этом театре не в штате, меня пригласили поработать в этом спектакле, поэтому я не завишу от Горкина. Ну внесет он меня в черный список, если я ему надоем. И что? Платят тут копейки, найду другую подработку. Я не Ада, вот она готова режиссера с головы до ног облизывать, да ей деваться некуда. Не Мерил Стрип она, а отставной козы глухой барабанщик. Никита худший тип руководителя театра: царь, бог, диктатор, эмир, император – все, вместе взятое. Но в реальности «Семь гномов» тащит на себе его жена Раечка. Реквизит подешевле достать, с прессой договориться, звезду уломать крохотную роль сыграть, программки напечатать, истерики бабские загасить: Рая завхоз, завлит, зав всего. Если нет грузчика, она

сама тащит тяжести. Она мотор коллектива. Никита Сергеевич – талантливый человек, но самодур. И похотлив, как старый павиан, не брезгует никем из женского пола. Рокировки в «Семи гномах» зависят от его сексуальных предпочтений. Пару лет назад он с треском выгнал мою бывшую одноклассницу Катю Матвееву, обвинив ее во всех смертных и актерских грехах. Проехал по бедняжке танком, объявил ее бездарью, заносчивой дурой. Да все знали, что Никита пригласил Катюху в кабинет, где у него стоит удобный диван. Матвеева статуэтку Шекспира с полки схватила, козлу по башке долбанула и ушла со словами: «Даже если ты останешься последним мужиком на Земле, не получишь шанса со мной переспать». Горкин выпер актрису. Катя ушла, а через неделю в журнале «Звезда хит» появился огромный репортаж о ее свадьбе с олигархом Барбосиным.

– Смешная фамилия, – сказала я.

Юрий остановился у закрытой двери.

– Ну когда у тебя не один миллиард в кармане, никто смеяться не станет. Горкин локти кусал, никто не знал, что Катя замуж за золотого тельца собирается. Такого спонсора Никита лишился! Но он быстро утешился, взял в труппу Ирину Булову, а та не растерялась, мигом легла под него. И что удивительно, она уже давно с Никитой в койке краковяк пляшет. Когда мне предложили в спектакле поработать, я Катюхе позвонил, попросил объяснить, что да как в театре. Она мне ситуацию обрисовала, долго вещала, под конец сказала:

– Ты не девочка, к тебе Никитка не полезет. Заплатит мало, но все, что обещано, ты получишь. С деньгами он не жульничает. Вот бабе там, даже если она хромая, косая, осторожно себя вести надо. Можно только удивляться терпению Раечки. Она молча все выкрутасы мужа сносила.

Юрий дернул за ручку, открыл дверь и пробормотал:

– Вумен фирст![2 - Вумен фирст – женщины первые (искаж. англ.)] Чего-то мне стремно туда входить.

- Законная жена убила любовницу? – спросил Степан.

- У тебя какие сейчас дела? – поинтересовалась я.

- Хотел выпить чаю в кафе на углу, вечером придет клиент, – ответил муж.

- Отлично, – обрадовалась я, – мы через пять минут к тебе присоединимся.

- «Мы» – это кто? – задал ожидаемый вопрос супруг.

- Я приду не одна, а вместе с Леной, дочкой Раисы, – уточнила я, – на вызов из полиции приехал противный мужик, который в первую же секунду твердо решил, что Рая лишила жизни любовницу своего мужа. Сейчас все расскажу в деталях.

- Хорошо, – вздохнул Дмитриев. – Вам какой чай заказать: черный, зеленый? Или твоя спутница предпочитает кофе?

- А мы уже тут, – сказала я, – припарковались на нашей стоянке, бежим в кафе.

- Похоже, Степан – добрый человек, – прошептала Лена, когда я открыла дверь трактира.

- Да, не злой, – подтвердила я, входя в зал, – но он никогда не станет из жалости покрывать убийцу. Ему надо честно и подробно изложить события. Если Раиса невиновна, он сделает все возможное, чтобы справедливость восторжествовала.

Степан помахал рукой:

- Сюда!

Мы поспешили в дальний угол.

- Учитывая, что, кроме меня, в зале есть только одна женщина, не стоило кричать, куда вам идти, – улыбнулся мой супруг.

Лена опустилась на стул.

– Можно, я обойдусь без предисловий?

– Давайте, – согласился Дмитриев, он очень не любит пустых бесед и долгих предисловий.

– Придется начать издалека, иначе вы не поймете всех нюансов, – предупредила Елена.

– Да хоть от сотворения мира, – усмехнулся Дмитриев, – пару часов я совершенно свободен.

– Постараюсь говорить четко, быстро, информативно, – пообещала актриса и завела повествование.

Раиса появилась на свет в семье театрального критика Николая Волкова. Первые годы жизни девочки были чудесными. Любящий папа Коля, добрая мама Лариса, ласковая няня. Родители, правда, постоянно находились на работе. Лариса играла в театре, снималась в кино, Николай летал по стране, посещал разные спектакли, потом писал рецензии. Режиссеры побаивались Волкова, тот мог так разгромить постановку, что мало не покажется. Неприятно же читать в издании с миллионным тиражом, что ты бездарь. Но намного хуже то, что народ, который до сих пор верит прессе, а в прежние времена вообще считал все напечатанное в СМИ руководством к действию, массово перестанет покупать билеты. Коля заканчивал свои разгромные статьи стандартным абзацем: «И вот что я вам скажу: не тратьте средства на поход в храм Мельпомены, где вы увидите дурно написанную и плохо поставленную пьесу. Лучше купите на эти деньги трюфелей да попейте с ними чаю. Получите от этого удовольствие, а от непотребной пьески вас изжога замучает».

Когда Рая была маленькой, на отца напал с ножом артист Брусков, который из-за рецензии Волкова лишился работы в столичном театре. От тяжелого ранения Николай мгновенно умер. Убийцу схватили на месте преступления, отправили за решетку, признали сумасшедшим, и он сгинул в специализированной психиатрической клинике.

Едва гроб Волкова засыпали комьями земли, как Ларисе пришлось туго. Николай обидел многих, обиженные боялись ссориться с критиком, считая, что у того много своих людей на самом вершине, поэтому лебезили перед его супругой. Но стоило Николаю уйти в мир иной, как выяснилось, что настоящих друзей у него не было. Вокруг оказались одни волки, которые не постеснялись отомстить вдове за унижения, которые терпели от ее покойного мужа.

Формально придраться было не к чему. Актрису из театра не уволили, ей платили положенные деньги. Но не давали ролей в новых спектаклях, а в старых заменили другими исполнительницами. Объяснение этому нашлось простое: Ларисе было за сорок, играть Джульетту уже поздно. И на кого обижаться? Не лучше обстояло дело и в кино, но в этом случае никто не был виноват. Ассистенты режиссеров подыскивают актеров в базе киностудии. Фото вдовы из нее не убрали. Ну не подходила Лариса ни для одного фильма! Ее даже на пробы не приглашали.

Обычному человеку непонятны душевные муки женщины, которая блистала на сцене и на экране и враз стала ненужной. Для артиста незанятость – самое страшное наказание. Просидев год без дела, Лара, наступив на гордость, попросила главного режиссера:

– Введите меня в спектакль.

– Ларонька, душа моя, – запел тот, – как только появится роль твоего гениального уровня, так сразу.

– Я могу и второстепенную героиню играть, – прошептала актриса, – да хоть «кушать подано» говорить. Верните мне сцену. Я погибаю без нее.

– Ну что ты! Какое «кушать подано», – замахал руками владелец театра, – ты у нас лучшая, уникальная. Непременно появится достойная пьеса. Я помню о тебе. И ты же получаешь зарплату!

Лариса поняла: ей никогда не выйти на сцену в этом театре. Она стала обходить других режиссеров. Но везде с ней беседовали одинаково: очень уважительно, называли «бриллиантом», но... «ролей вашего уровня у нас пока нет. Мы сразу позвоним, как только появится подходящая пьеса». К сожалению, Николай ухитрился оскорбить всех главных режиссеров Москвы и Питера. Уехать в

провинцию и стать ведущей актрисой в городке с пятью тысячами населения? Получать от благодарного зрителя три ромашки и шоколадку? О нет! Это хуже, чем упасть на дно.

Как поступила вдова? Начала пить. Вся зарплата уходила на выпивку за считанные дни. От няни для Раи пришлось отказаться. Скоро Волковой стало все равно, чем дочь питается, как одевается, когда ложится спать... Мир актрисы сузился до поллитровки, ее волновало только одно: сегодня есть что налить в стакан?

Неизвестно, как сложилась бы судьба Раи, да девочку взяла под свое крыло учительница математики Валентина Сергеевна. У нее было трое детей, но Раечка не стала лишней. Педагог на пару дней умудрилась привести Ларису в трезвое состояние, отвела ее к нотариусу, и актриса подарила свою кооперативную квартиру дочери. Вот поэтому Раечка не стала бомжихой, мать не могла продать жилье. Умерла Лариса, когда дочь получила аттестат об окончании школы. Рая поступила на экономический факультет, куда ее пристроила все та же Валентина Сергеевна, она дружила с деканом.

После защиты диплома Рая встретила Никиту, нищего, бесштанного молодого режиссера из провинции, который обивал пороги театров и киностудий, пытался получить хоть какую-то работу. Парень ночевал у друзей, а когда те не могли пустить его поспать на полу на кухне, коротал ночи на вокзале.

Любовь Раи и Никиты расцвела буйным цветом, молодой человек получил постоянную прописку, заботливую жену, чистую постель, вкусную еду. Вскоре после женитьбы Никита перестал походить на оборванца и плохо пахнуть, он теперь пользовался дорогим одеколоном.

Как известно, по одежке встречают. Когда в кабинет к какому-нибудь маститому режиссеру вваливается не особенно аккуратный юноша в грязных мятых брюках и бубнит: «Здрассте. Я хочу у вас поставить пьесу. Окончил институт в городе Фиговске, невероятно талантлив», то, понятное дело, от такого типа стараются побыстрее избавиться. Раечка, осознав проблему, определила супруга на режиссерские курсы. Спустя пару лет поиском работы занялся хорошо одетый москвич с постоянной пропиской в центре города, с дипломом о получении второго профильного образования в столичном вузе. Изменение внешности Никиты, обучение его в институте – все это далось не даром. Раечка пахала день и ночь, в семье тогда уже появилась Леночка, на содержание которой тоже

требовались немалые деньги. Но Волкова не чуралась никакой работы. Днем она сидела в бухгалтерии, ночью мыла полы в поликлинике, рано утром драила подъезды.

В конце концов Никита устроился помощником режиссера в театр, Леночка росла, Рая сияла от счастья.

Горкин оказался талантлив, он быстро вскарабкался на вершину успеха и решил организовать свой театр. Теперь у него их два! «Семь гномов» и «Созвездие Никиты».

Лена прервала свой рассказ.

– Папа – добрый человек, он готов помочь многим, у него масса знакомств, его любит пресса, телевидение. Отец говорит, что устал от тусовок, посещает их исключительно по необходимости. Но на самом деле ему нравятся вечеринки. Мама на них не ходит, она находится в тени мужа. Но папин успех на девяносто процентов зависит от мамы. Если отцу сообщают о какой-то проблеме, ну например: закапризничала актриса, крыша у театра протекла, нет хорошей пьесы, зритель не идет на спектакль... Что он делает? Как по-вашему?

– Ну не знаю, – пробормотала я, – вызывает психолога к капризнице, строителей для починки крыши, звонит драматургам, нанимает журналистов, чтобы пиарить новый спектакль.

– Не угадали, – мрачно улыбнулась Лена, – отец кричит: «Рая, иди сюда!» Мама приносится на бешеной скорости, муж сообщает ей о задаче. И успокаивается, теперь он твердо знает: супруга все наладит. Да такую жену надо на руках носить. Но, к сожалению, отец подхватил весьма распространенный в актерской среде вирус под названием «Гениальный гений». Он напрочь забыл, что для нищего парня сделала его жена, стал считать ее секретарем, пресс-агентом, пиарщиком, своим адвокатом, домработницей, заведующей литчастью, поваром... Тьма должностей досталась моей матери.

Лена умолкла, осушила свою чашку и продолжила рассказ. С каждой ее новой фразой я все сильнее жалела супругу Горкина.

Быстро став маститым режиссером, Никита Сергеевич столь же стремительно изменился. Теперь он посещал самые дорогие рестораны, покупал парфюм за нереальные деньги. Одевался Горкин на первый взгляд просто, но московские модники прекрасно знали, сколько стоит такая простота. Из большой квартиры Раи семья переехала в огромные роскошные хоромы. Теперь муж и жена поселились в разных спальнях, и у Раисы оказалась самая маленькая комната.

– Мне некомфортно в большой, – твердила Рая, – я люблю уютные крохотные помещения.

На парковке у дома стояли шикарная машина Никиты и копеечная малолитражка Раечки. Думаете, муж жалел денег на супругу? Никита неоднократно просил жену:

– Давай выкинем консервную банку на колесах. Купим тебе новую, соответствующую твоему статусу машину. Отправь на помойку жуткий пуховик, надень шубу. Приведи себя в порядок. Что у тебя на голове? Кошки там барбоса хоронили и с его родней передрались? А обувь? Мама миа! Твои сапоги старше египетской пирамиды.

– Зачем мне новая тачка, если старая прекрасно ездит? – отбивалась Рая. – В шубе жарко и за рулем сидеть неудобно. В пуховике комфортнее. Волосы мне по-модному Олечка стрижет, я к ней давно хожу. Сапоги удобные. Что еще надо?

И, как уже говорилось, Рая не любит вечеринок. Всякий раз, когда ей приходится сопровождать мужа, она появляется перед толпой журналистов с таким разнесчастным видом, что те потом ехидничают, обсуждая кривую улыбку Горкиной. И платье на ней немодное, и обувь с сумкой не от дорогого бренда, а волосы неизменно укладывает все та же криворукая Оленька. Рая с завидной регулярностью оказывалась в списках хуже всех одетых знаменитостей, которые составляла пресса. Один раз жена Горкина приняла участие в телепрограмме, где стилисты переодевали людей. Она согласилась на это после долгих уговоров, и только тогда, когда муж догадался сказать:

– Пойми, нам нужна эта съемка для пиара театра.

Перевоплощение удалось на все сто, Раечка помолодела лет на двадцать, стала хорошенькой, почти такой, как в юности. Никита пришел в восторг от вида

жены, Лена хвалила маму, знакомые, которые видели передачу, осыпали Раю комплиментами. Но когда она пришла из студии домой, все вернулось на круги своя.

То, что Никита не самый верный муж, ни для кого не секрет. Мало кто осуждал Горкина за «неустановленные» отношения с молодыми красивыми актрисами. Никита влюблялся, будто с небоскреба падал. Он начинал везде появляться с очередной избранницей, которую представлял всем: «Моя новая студентка, очень талантливая актриса». Симпатяшка вводилась во все спектакли Горкина и думала: «Жизнь удалась, Никита вышвырнет Райку, как старые тапки, женится на мне, я получу все главные роли, связи и деньги режиссера». Нос у очаровашки задирался выше горизонта, она хамила другим артистам, костюмерам, гримерам, вела себя по-хозяйски.

Окружающие только улыбались, все знали: Никита никогда не бросит свою супругу, а главная звезда всех постановок Горкина – его дочь Елена. Любовница более трех-четырех месяцев не продержится. Так оно и было. Вскоре девица исчезала. Вместо нее появлялась очередная «очень талантливая» студентка.

Как к изменам мужа относилась Раечка? Никак, она их не замечала, миролюбиво беседовала с очередной фавориткой супруга. Поскольку Никиту интересовали только особы не старше двадцати пяти лет, многие симпатяшки поначалу не знали, что милая тетушка в спортивном костюме – законная супруга Никиты Сергеевича, принимали ее за обслуживающий персонал, капризно выговаривали ей:

– Вы принесли в мою гримерку холодный чай, поменяйте на горячий.

Рая извинялась, приносила другую кружку. Потом кто-нибудь объяснял нимфе, кого она гоняет в буфет, и очень веселился, наблюдая, как вытягивается по-детски щекастое личико.

Что на самом деле испытывала Рая, никто не знал, но большинство окружающих пребывало в уверенности, что она прекрасно знает: Горкин без нее как без рук, ног и мозга, если она бросит мужа, оба его театра мигом разорятся.

Когда в жизни Никиты появилась Ирина Булова, понятное дело, никто и ухом не повел. Ну еще одна очередная. Знаем, знаем, уже сто раз это проходили. Но Ира

неожиданно оказалась иной, чем ее предшественницы. Булова держалась скромно, по тусовкам ходила без радости, в объектив папарацци не лезла. Одета в маленькое черное платье, она скромно стояла у стены, ожидая, когда Никита наобщается со всеми и вспомнит про нее. Подарков у Горкина не просила, бриллиантами не украшалась, в шубы не куталась, о главных ролях не мечтала, искренне радовалась возможности выйти на сцену со словами:

– Сэр, вас ждут в гостиной.

Ира мало разговаривала, не плела интриг, никого не обижала, и... она бегала Раечке за чаем, подолгу сидела у нее в кабинете. Вскоре местный люд понял: жена и любовница подружились. Это было странно даже для закулисья, в котором водятся разные твари. Языки местных кумушек заработали с фантастической скоростью. Понятное дело, при Лене никто про ее мать не сплетничал, но между собой актеры постоянно обсасывали горячую тему. Как-то раз младшая Горкина шла мимо буфета и случайно услышала беседу.

– Райка прикидывается, – вещала гримерша Света, – она ненавидит Ирину.

– Не, они подруги! – возразила костюмерша Катя.

– Ерунда, – возразила актриса Евгения Капина, – они просто договорились. Раисе надоела карусель баб, Никита на них тьму денег тратит, от семьи средства отрывает. Ирка же на все пойдет, лишь бы в Москве зацепиться. Вот Раиска ей и предложила: «Спи с моим мужиком сколько хочешь, но развода он не получит». Они скоро станут жить веселой шведской семьей. Ирина родит ребенка, Райка ему памперсы менять будет.

– Жесть! – выпалила Света. – Ну как можно на это согласиться? Ирка дура!

– Ты москвичка, – вздохнула Евгения, – а Булова из Хрюшинска Задрипинской области. Ей надо зацепиться в столице.

– Не! Никита скоро пошлет Ирку, – безапелляционно заявила Светлана. – Наташка, жена Вадика Раевского, видела Горкина в ресторане с какой-то молодой задницей, и это была не Ирка. Капец любви вот-вот настанет. Новая фаворитка на пороге.

– Давно пора, – высказалась Женя, – скоро год их амуру. Дольше никто пока не продержался.

– Рекордсменка! – хмыкнула Света. – Медаль ей на тощие сиськи.

Вот только злые языки ошиблись. Минуло еще двенадцать месяцев, а Ира по-прежнему была с Никитой, пила чай с Раечкой. Последняя вдруг похорошела, стала модно одеваться, изменила прическу. А потом все ахнули: Рая появилась на работе с профессионально сделанным макияжем и красиво уложенными волосами. При виде разительно переменившейся жены Горского Ада Николаевна не выдержала и, как-то стоя в туалете у умывальника, сказала Лене:

– Твоя мать – прямо белый лебедь.

Дочь прикинулась непонимающей:

– Вы о чем?

– Не изображай, у тебя это плохо получается, не верю, – ехидно засмеялась Ада. – Хочешь сказать, что не видела маман с накрашенными глазами? Да Рая часа два у стилиста просидела. Эффект того стоил. Ты не в курсе, она теперь всегда в таком образе нам являться будет? Или по особому случаю вполне себе ничего стала?

Лена не сразу нашлась что ответить Аде, которую в театре за глаза звали «жаба в шоколаде».

И тут из кабинки вышла Ира, она сразу заговорила:

– Макияж Раисе Николаевне сделала я, училась когда-то на стилиста. Совсем немного времени потратила, полчаса всего. Жена Никиты Сергеевича очень красивая, умная... – Ира на секунду прервалась, потом, бросив многозначительный взгляд на толстый живот Ады, договорила: – Фигура у нее девичья, ума, тактичности, трудолюбия на пятерых хватит. Она для меня – пример идеальной жены, матери, сотрудницы. А Лена – образец актрисы. Я счастлива, что они не побрезговали включить в свою семью провинциальную глупую девочку, то есть меня. Дали мне приют. И я всегда буду им благодарна.

Потом развернулась и ушла. Ада Николаевна осталась с раскрытым ртом. Лена пошла к двери, и тут Днепровы крикнула:

– Мелкая дрянь живет у вас?

Елена обернулась:

– С одной стороны, да, с другой – нет. Ирина снимала комнату в коммуналке на краю столицы, где время уже не московское. Очень уставала. В театр ездить – два часа, соседи шумные. А у матери пустая квартира, она ей от родителей досталась, мы там жили до того, как в новые апартаменты переехали. Мамуля Ире ключи дала, Булова теперь там бесплатно устроилась. Вот и выходит, с одной стороны, живет Ира у нас, а с другой – нет. Не на одной территории с нами.

Глава 4

Елена рассмеялась:

– Жаль, никто не видел морду главной сплетницы театра!

Степан отодвинул от себя пустую тарелку.

– Раиса на самом деле подружилась с Ириной?

Лена кивнула:

– Да.

Степа посмотрел на меня:

– Вилка, как бы ты отнеслась к женщине, которая решила залезть в мою кровать?

Я не стала долго раздумывать:

– Не желаю обсуждать глупую тему.

Муж вынул из кармана телефон и положил его на стол.

– Тихий внутренний голос мне подсказывает, что госпожа Тараканова, узнав об измене супруга, возьмет что потяжелее и опустит данный предмет на голову любовницы.

– А вот и нет, я просто уйду от тебя, – возразила я.

– Даже если я пообещаю больше никогда не ходить налево? – прищурился Степа.

Я потянулась к чайнику, который стоял на переносной горелке.

– Верю, что можно вылечиться от алкоголизма, наркомании, перестать курить, начать вести здоровый образ жизни. Но категорически не верю, что, глядя на слезы жены, отпетый бабник превратится в верного супруга. Если муж вам один раз изменил, был пойман, поклялся в верности до гробовой доски и ведет себя безупречно, это не означает, что ловелас снова вас полюбил. Просто он стал умнее и не попадаетеся, не приводит других дам к вам домой, не ездит с ними по дачам приятелей, он устраивается в таких местах, о которых вы и не слышали. Если мужчина вас любит, он не пойдет налево, его остановят элементарная брезгливость и боязнь причинить жене боль. Это я говорю о настоящей любви. Если между вами ее нет, вы живете без радости, по привычке, стали как два домашних тапка... Тогда, конечно, один тапок неизбежно решит познакомиться с разными лаковыми туфельками. И никакие скандалы, упреки, слезы второго его не остановят.

Лена сдвинула брови:

– Вы просто не знаете всех обстоятельств. Я лет в четырнадцать поняла, что отец изменяет маме. Меня переполняло возмущение! Я ринулась к матери, потребовала: «Немедленно уйди от отца!» Она спросила: «Почему?» Я заорала: «Он спит с тетей Наташей!» Мама уточнила: «Откуда ты это знаешь?» Пришлось признаться: «Случайно подслушала их телефонный разговор. Они такое друг

другу говорили! Фу! А еще взрослые! Отец уже старый! В его возрасте к женщинам не пристають».

Лена улыбнулась.

– Я в те годы была твердо убеждена: если человеку исполнилось сорок, то он глубокий старик. Какой там секс! стакан кефира – и баиньки.

Мама отставила утюг, которым гладила папину рубашку.

– Лена, ты забыла, что твой отец талантливый режиссер? У него сейчас два новых проекта, в одном занята Наташа. Как ты думаешь, станет отец говорить пошлости по домашнему телефону, если в соседней комнате находится жена? Я ведь могу в любую секунду услышать его слова. Или, например, ты станешь свидетельницей его амурных песен. Что, кстати, и случилось. Папа что, такой идиот?

Мне пришлось ответить:

– Нет.

Мама опять начала отпаривать сорочку.

– Два спектакля ставить одновременно тяжело. Папа зашивается, времени нет. Наташа близкий человек. Вот он и репетировал с ней по телефону. Успокойся, твой отец лучший на свете муж.

Мне так стыдно стало! Я потом лет до двадцати жила в твердой уверенности: папочка – лучший на свете муж. Когда меня перевели на третий курс, отец решил дать мне в спектакле «Мухи и пчелы» роль, не главную, совсем небольшую. Я и раньше заходила к нему в театр, но только как родственница. А тут стала актрисой, сплетни услышала, поняла: папаша часто налево ходит – и к маме кинулась:

– Зачем ты терпишь эту грязь! Уходи от него.

И вот тут мать правду мне до дна выложила. Оказывается, когда мне исполнилось семь лет, она очень серьезно заболела, ей сделали несколько операций, потом кормили гормонами. Ничего хорошего никто не ожидал, речь шла о незначительном продлении жизни. На год максимум!

Лена схватила со стола бумажную салфетку и приложила к глазам.

– Ужас! А я ничего не знала. Мне правды не сообщили! Мама согласилась на экспериментальное лечение, и оно ее спасло. Но огромные дозы гормонов плюс новый препарат начисто лишили ее интереса к сексу. А папа – мужчина. Ну вы понимаете.

Лена высморкалась в салфетку.

– Мамуля поговорила с мужем, предложила: «Я готова на развод, поскольку я теперь не женщина». Никита Сергеевич ответил: «Ты навсегда останешься главной в моей жизни». И они договорились так: мама будет законной женой отца, но у него появятся девушки для постели.

– М-да, – крикнул Степа, – нестандартное решение.

Елена вскинула голову:

– Мои родители никогда не шли на поводу у толпы. Они стали жить как брат с сестрой. Папа заводил романы, но бабы обладали только его телом, сердце не трогали. Мама главная в театре и в его душе. Родители мои живут в одной квартире, у них прекрасные отношения. То, что отец с кем-то спит, маму не волнует.

– М-да, – снова произнес Дмитриев.

– Если вы с женой на такой брак не согласны, это не значит, что и для других сие невозможно! – воскликнула Елена. – Вот вы исполните на коньках прыжок в четыре оборота?

– Даже стоять на коньках не получится, – призналась я, – мигом шлепнусь. Да и босиком на ковре прыжок не совершу.

Елена схватила чистую салфетку.

– А Плющенко легко этот элемент сделает. Если сами чего-то не умеете, это не значит, что другой такого не сможет!

– Евгений Плющенко на всю страну один такой, – заметил Степан.

– Но он есть, – ажитировалась Лена. – Да, мои родители неординарны. И что? Мама очень любит папу. Отец обожает ее, но он без секса не может. Они нашли выход. Все довольны. Понимаете?

Степан взял у официантки очередной чайник с заваркой.

– Вы сейчас выложили перед нами семейные тайны, чтобы убедить нас, что Раиса Николаевна не убивала Ирину.

Елена оперлась локтями о стол.

– Конечно. Назовите хоть одну причину, по которой маме понадобилось избавляться от Ириши. Для нас смерть Буловой – трагедия.

Степан наполнил свою чашку.

– Даже так?

Я взяла с блюда пирожок с капустой.

– Елена, в начале разговора вы сказали, что Раиса Николаевна относилась к любовницам мужа спокойно, ни разу ни с одной не поругалась.

– Никогда, – подтвердила дочь режиссера. – Вы теперь понимаете, что у мамы не было повода с ними конфликтовать.

Степан понял, куда я веду, и продолжил:

– Раиса дружбы со своими заместительницами по сексу не водила?

– Нет. Зачем маме с разными бабами якшаться, – вспыхнула Елена, – она с ними здоровалась, вежливо беседовала на рабочие темы. И все!

– С Буловой у них возникли близкие отношения, – напомнила я. – Почему?

Лена обхватила свою чашку ладонями.

– Потому что Ирина должна была выйти замуж за папу. Мама искала ту, кто сможет ее заменить, станет хорошей супругой Никите Сергеевичу. Это совсем не просто. Она уже отчаялась. И вдруг появилась Ирина. Мама мне сказала: «Она прямо как я. Только актриса и моложе. Леночка, твоя задача – защищать Иру, ей придется после свадьбы нелегко».

– Ничего не понимаю, – воскликнула я. – Зачем Раисе искать жену для Никиты?

Глава 5

– К ней вернулась болезнь, – прошептала Лена, – та самая, с которой мама справилась, когда я ходила в начальную школу. Врачи тогда пообещали ей два месяца жизни, но мама победила недуг. Сейчас все иначе. Немошь подняла голову, доктора честно сказали: «Года полтора, возможно, два вы протянете. Потом паралич и конец». Мама мужественный человек, она не о себе подумала, о дочери и о муже, сказала: «Никита поплачет на моей могиле, потоскует месяц. А потом около него появится хитрованка, которая его утешит. Никита не сможет жить один, он женится. Беда будет, если в доме появится злая бабенка. Сначала она тебя выживет, потом станет над Никитой измываться, потребует для себя ролей, больших денег. Чем это закончится? У Никиты случится инфаркт-инсульт, и он ко мне на тот свет улетит. Вторая супруга получит все: квартиру, дачу, деньги. А ты, Леночка, останешься голая, нищая. Ну уж нет!»

Актриса опустила голову.

– Мамочка решила меня обезопасить. Она документами всегда занималась. Папа их только подписывал там, где мать показывала. Никогда не читал ни строчки. Он прекрасно знал: жена досконально проверит и договоры, и контракты. Отец

не глядя подмахнул дарственную, квартира стала моей собственностью. И дача на меня переведена. Мама очень радовалась: «Доченька, теперь я уйду спокойно». Потом появилась Булова. У Ириши характер прямо как мамин. Мать с ней поговорила, объяснила ситуацию. Ира все поняла, пообещала: «Раиса Николаевна, клянусь: никогда не оставлю Никиту Сергеевича. Вас, конечно, никто заменить не сможет. Но я очень постараюсь сделать его счастливым. Я одного возраста с Леной, роль матери для нее исполнять мне не по чину. Но я попробую стать ей верной подругой. А насчет того, что рожу ребенка, который вашу девочку на второе место отодвинет, не волнуйтесь. Я бесплодна, никогда не забеременею. Вы только, пожалуйста, не умирайте, живите до ста лет, я вам помогать буду и по хозяйству, и в театре». И мы правда стали как одна семья. Теперь скажите: была у мамы причина, хоть крохотная, чтобы напасть на Ирину? Убить ее? Да еще таким ужасным способом. Вы знаете, как погибла Булова?

– Нет, – ответила я, – вы выбежали в коридор, мы с художником пошли следом. Он открыл дверь, я вошла в комнату, а вы там у двери вся в слезах. Я вывела вас в коридор, народ набежал, приехала полиция. Всем присутствующим велели оставить паспортные данные, номера телефонов и отпустили.

– А вы остались со мной, – сказала Лена.

– Ну да, – смутилась я, – не хотела вас одну бросить.

– Где была в это время Раиса? – удивился Степан. – И Никита Сергеевич?

Лена судорожно вздохнула:

– Отцу стало плохо, вызвали «Скорую», врачи увезли его в больницу, где родители купили страховку. У папы подозрение на инсульт, очень высокое давление. Я обзвонилась в клинику. Наш семейный доктор фальшиво бодро говорит: «Леночка, Никита Сергеевич спит, вам нет смысла приезжать. Не беспокойтесь, ваш отец в надежных руках. Но я не хочу, чтобы кто-либо, даже вы, его посещали».

– Что с Раисой Николаевной? – спросил Степан.

Лена зашмыгала носом.

– Ее тоже увезли на «Скорой», – объяснила я. – В тот же медцентр, что и мужа. Мы в Еленой в коридоре были, не знали, что Раисе Николаевне стало плохо. С ней говорили в кабинете мужа.

– Потом приехало несколько человек, – продолжила Елена, – все в комбинезонах.

– Эксперты, – уточнила я, – они сразу заторопились. Их, как оказалось, вызвали к главному режиссеру. Вскоре другие доктора появились, те Раису унесли. Лена перепугалась.

Дочь Никиты Сергеевича вытерла лицо рукавом кофты.

– Конечно, меня колотило. Я не понимала: что с папой? Что с мамой?

– Когда жену режиссера отправили в клинику, из кабинета вышли двое, – подхватила я, – тот, что постарше, сказал молодому: «Держи все на контроле. Проверь. Возможно, это симуляция. Она хочет потянуть время». Лена вскочила, закричала: «Моя мама никогда не врет. Ей на самом деле очень плохо, она умирает». И расплакалась. Полицейский в возрасте сбежал, Лена рыдала. Молодой назвался Андреем Николаевичем, спросил у меня: «Вы кто?» Услышал, что писательница, чей роман Никита Сергеевич собирался ставить, сразу стал вежливым, объяснил: «Когда Горкин узнал, что жена подозревается в убийстве Ирины Буловой, у него язык заплетаться начал. Раиса Николаевна перепугалась, хотела с ним отправиться на «Скорой». Но Геннадий Петрович стал ее опрашивать. У него метод такой: тепленьким человека брать. Если разрешить подозреваемому домой уйти, то наутро он явится, уже обдумав тактику поведения, да еще адвоката прихватит. А в день совершения преступления предполагаемый убийца весь на нервяке. Самый подходящий момент на него надавить, в стрессе многие выбалтывают то, о чем лучше молчать».

Степан покачал головой.

– Ну-ну. Метод Геннадия Петровича закончился вызовом «Скорой» для Раисы.

Я пояснила:

– Разговорчивый Андрей Николаевич не постеснялся Елену поучать: «Для семьи лучше, если Раиса Николаевна скончается. Тогда ни суда, ни следствия не будет, анкеты останутся чистыми. Захотите визу, например, в США получить, на вопрос: «Находились ли родственники под судом и следствием?» – честно ответите: «Нет». И проверка ничего дурного не выяснит, чиста Елена со всех сторон. А почему? Да потому что ее мамаша-убийца скончалась. Официально ей ничего не предъявляли. Вот если Раиса оклемается, то тогда другой поворот, она основная подозреваемая в деле об убийстве. Не видать вам визы. Ни в одной стране не любят людей, чьи родители лишили кого-то жизни».

Мой муж пришел в крайнее возмущение:

– Прямо так и сказал?

– Не ручаюсь, что дословно передала, – поморщилась я, – но в целом да. Степа, мы должны помочь Лене!

– Иришу ударили по голове статуэткой, которая всегда стояла на письменном столе, – прошептала Лена, – мы сидели, обсуждали постановку пьесы Виолы. Вдруг раздался голос мамы: «Помогите!»

– Верно, я тоже слышала крик, такой отчаянный, прямо страшно стало! – подтвердила я.

Елена стала накручивать на палец прядь волос.

– Полиция решила, что Ирина и Раиса повздорили. Любовница зачем-то пришла к жене режиссера, возможно, она оскорбила ее. Та не справилась с эмоциями, схватила первое, что попало под руку, и бросилась на разлучницу. Если не знать того, что я сообщила вам, можно предположить, что события вполне могли развиваться таким образом. Мало найдется женщин, способных дружить с возлюбленной своего мужа. Но в нашем случае-то все иначе! Мама воспитала себе замену, потратила много сил, времени на поиски такой женщины, как Ириша. Думаю, мамы изначально не было в кабинете, она где-то ходила по делам. Вернулась в офис, увидела на полу Булову, испугалась и закричала. Далее события развивались по стандартной схеме. На вопль примчались все, кто мог. И что они увидели? Ира лежит на полу в луже крови, статуэтка... Рая бледная, трясется. Что придет в голову людям, которые прекрасно осведомлены,

что Булова – очередная пассия владельца театра? У его жены не выдержали нервы, вот она и стукнула по голове очередную пассию супруга.

– Надо найти того, кто на самом деле убил Ирину, – воскликнула я.

Лена молитвенно сложила руки:

– Да! Не знаю, выйдет ли мама из реанимации живой, но если она...

Дочь Никиты Сергеевича на мгновение закрыла глаза, потом снова заговорила:

– Если она этот мир навсегда покинет, то люди, вспоминая мою маму, будут говорить не о том, каким замечательным человеком она была, как много сделала для театра, как любила мужа, детей... Люди не скажут: «Рая Горкина? Та, что помогла супругу создать два прекрасных театра?» Нет, они отреагируют иначе: «Рая Горкина? Это та, что убила любовницу Никиты Сергеевича?» Человек – странное животное, он с трудом верит в добро и охотно соглашается со всем дурным, что слышит. Рая – отличная мать, жена, помощница мужа? Ну... наверное, за эти хвалебные слова заплатили, это пиар. Раиса преступница, убила Ирину? Да, конечно, я сам там находился, все видел, распни, распни, распни ее!

– В вашем театре пропускная система? – спросил Степан.

– На территорию бывшего завода без разрешения нельзя въехать, – ответила я.

– И нельзя войти, – добавила Елена, – но зарплата у охранников невелика, соблазнить их рублем легко.

– Ворота у вас крепко заперты, – напомнила я, – когда я нажала на звонок, слышался вопрос: «Кто там?» Они отворились только после объяснения, что я автор пьесы.

Лена пожала плечами:

– У нас у двери сидит дежурная, она тоже от денег не откажется. Вариантов попасть в театр, кроме официального, много. Можно влезть через окно туалета,

оно всегда открыто, чтобы избежать запахов. Вы не рядовой зритель с билетом, поэтому попали в офис через служебный вход. Зрители пользуются парадной дверью, она выходит прямо на проспект, где всегдалюдно. Наша задача – привлечь в театр как можно больше народа. В «Семи гномах» не только взрослый, но и детский репертуар. Согласятся ли мамы-бабушки пойти с ребятами на представление, если на билетах напечатано: «Вход через территорию завода по предъявлении паспорта»? В Москве много развлечений для юного зрителя. Тащиться по закоулкам, нести на руках малыша, чтобы он не запачкался? «Да пошел такой театр лесом! Поведу Ваню в цирк, там метро рядом». Поэтому у нас есть двери с проспекта. В театре не всегда аншлаг, но три четверти кресел, как правило, заняты. Да и на вечерний спектакль зритель хочет с комфортом попасть. Миновали времена, когда театралы ночами стояли за билетами и пьесы нелегально ставили в каких-то подвалах, но туда все рвались, так как ставили там, например, Сэмюэла Беккета, которого власти в СССР терпеть не могли. Нынче люди избалованны, хотят в буфете выпить шампанского бесплатно. Кто-то из зрителей мог после спектакля спрятаться.

– Где? – тут же спросил Степан.

Лена развела руками:

– У нас масса закоулков. Театр находится в очень большом здании, занимает лишь малую его часть, другая сдается. Из зоны примерок есть переход в ту зону, которая сдается внаем. Он неизвестен публике, но свои все осведомлены о коридоре. Понимаете?

– Конечно, – воскликнула я, – злоумышленник мог где-то затаиться или пройти незамеченным.

Глава 6

На следующий день мы со Степой сидели в его кабинете. Компанию нам составил заведующий отделом компьютерного поиска Гриша Саблин.

– Посмотрите на экран, – предложил Григорий, – перед вами план всего здания. Сначала изучим театр. Красным цветом обозначена зрительская часть, синим – офисная, зеленым – закулисье.

– Ну и ну! – удивился Степа. – Служебная часть напоминает лабиринт! Много маленьких помещений, коридоров. Ни малейшей логики нет. А вот зона, куда допускают публику, простая: зал, фойе, туалеты. Все! Странная архитектура.

– Да нет, – возразил Саблин, – в начале девяностых многие московские предприятия умерли, а их здания превратились в теле- и фотостудии, выставочные залы...

– «Семь гномов» разместился в цеху, где ранее делали сковородки, – подсказала я.

– Правильно, – согласился Гриша, – а зал и фойе пристроили таким образом, чтобы зрители могли зайти в театр прямо с улицы, минуя проходную комплекса. Бывшая фабричная часть безобразна, потому что она изначально не планировалась как помещение для театра. Работали с тем, что имели. Какие-то стены нельзя было рушить, кое-где возвели перегородки. Без пол-литра там не разобраться. А пристройка лаконична. Там все просто, возводилась она как театр.

Степа повернулся ко мне:

– Спрятаться в рабочих помещениях легко.

– Похоже на то, – согласилась я.

– Кто у нас Булова? – спросил Дмитриев. – Биографию ее изложи.

Саблин откашлялся.

– Девочка появилась на свет в городе Красинске. Он находится в медвежьем углу Московской области. Отец, Сергей Петрович Булов, водитель-дальнобойщик, умер, когда Ире едва пять исполнилось. Мать работала бухгалтером в колхозе «Знамя», потом на его базе возникло успешное

фермерское хозяйство, Марина Игоревна осталась там в финчасти. Она умерла, когда дочь поступила в театральный вуз. Возможно, Ирина талантлива, она с первого раза взяла штурмом приемную комиссию. Где живет в Москве, не указано, прописана по месту рождения, владеет домом площадью двести квадратных метров, земельным участком пятьдесят соток.

– Лучше было продать недвижимость, приобрести хоть какую квартирку в столице, – заметил Степан.

Я перестала смотреть на экран.

– Кое-кому дороги родительское гнездо и воспоминания детства.

– Не тот случай, – возразил Саблин, – избу Ира выставила на продажу, как только получила наследство, но «лес за окном, грибы-ягоды, река, рыбалка, сад с яблонями, вишнями» никого не прельстили. Булова несколько раз снижала цену, да это не помогло. И понятно почему: как дача дом не подходит, ехать до него надо часа четыре. На субботу-воскресенье не накатаешься. Отпуск в глухом месте проводить скучно. Пенсионеры туда не переберутся, им нужна рядом поликлиника. Прихватит сердце на огороде, и помрешь, пока «Скорая» из района причапает. Изба по-прежнему на Ирине числится.

– Может, она ее сдала кому-то, – предположила я.

– Не исключено, – согласился Степан, – но нам это неинтересно. Компромат?

– Никакого, – отрезал Гриша, – в школе Ира училась хорошо, участвовала в самодеятельности, в студенческие годы сдавала сессии без проблем. Никаких претензий со стороны полиции. Обычная девушка. Таких миллионы. Единственное отличие – у нее был талант кривляться на сцене. Ирина, несмотря на молодость, уже играла в театрах Горкина вторых героинь в большинстве пьес.

– Вторых героинь? – повторила я.

– Звезда у них Елена, – объяснил Гриша, – она всегда играет центральные роли. А вот вторых, не таких значимых, но тоже главных персонажей отдавали

Буловой... Все, что узнал, я вам сообщил.

- Не густо, - заметил Степан.

- Простите, что имею, тем и поделился, - пожал плечами Гриша, - пока только граблями по земле прошелся, лопатой не копал. И тем не менее кое-что нагреб, но не на Булову.

- На Никиту Сергеевича? - предположила я.

- Нет. С ним никаких проблем не возникло, школа, институт, одна жена, единственная дочь. А вот с Раисой Николаевной иначе. У нее есть сын.

- Родной? - уточнил Степа.

- Лена ничего о брате не говорила, - одновременно с мужем воскликнула я.

- Мальчик от первого брака, - объявил Саблин. - Виктор в год оказался в интернате, мать определила его туда в связи с отсутствием возможности содержать сына. Она не отказалась от родительских прав, просто на какое-то время отдала ребенка под опеку государства. Когда Раиса вышла замуж за Никиту, мальчик вернулся домой. Похоже, в раннем детстве с ним проблем не было. Документы об усыновлении найти, как правило, трудно, но если учесть год, когда Рая познакомилась с будущим режиссером, то понятно, что Витя не родной ребенок Горкина. Пока я глубоко не копался в биографии членов семьи, нашел только запись о браке Раисы с Петром Григорьевичем Рукавиным. Он умер. Но я детали пока не проверял. Сосредоточился на Викторе, который стал постоянным беспокойством матери. Он периодически переходил из школы в школу. В его деле нет записей о неблагоприятных поступках. Но если мальчик за годы обучения побывал во многих учебных заведениях, невольно возникает вопрос: а за что его выгоняли?

- Горкины могли менять жилплощадь, - нашел объяснение Степан.

- Столько раз из квартиры в квартиру даже цыган не кочует, - возразил Саблин, - и родители жили в одном месте. У парня сплошные тройки. Думаю, его выгоняли за неуспеваемость, не хотели оставлять на второй год, чтобы не

портить статистику. Если в школе есть второгодники, то, и в глазах родителей, и по мнению высокого начальства из районной управы, это плохая цитадель знаний. Потом Виктор поступил в колледж, где готовят средний медперсонал.

- Туда возьмут любого мальчика, потому что он мальчик, - прокомментировал Степа.

- Совершенно верно, - согласился Гриша, - парень получил диплом, поступил в институт, окончил его, начал работать, и его посадили на солидный срок. Подробностей я пока не знаю, необходимо время, чтобы их выяснить. По статье 105, это убийство. Вышел на свободу он не так давно.

- Понятно, почему Елена промолчала о брате, - вздохнула я.

Глава 7

- Подвожу итог, - прогудел Степан. - Были у Раисы Николаевны причины убивать Ирину Булову?

- Если верить Елене, то никаких, - ответила я, - но надо пообщаться с людьми из театра. Вдруг картина не такая, как ее обрисовала дочь.

Степа сел за стол.

- Правильная мысль. Вилка, ты же слышала крик жены Горкина?

- Да, - подтвердила я.

- Давайте представим, что Раиса невиновна, - заговорил Степа. - Ирина зашла к ней, а той не оказалось на месте. Тут появился Виктор, который, как мы сейчас узнали, недавно освободился. Он был зол. Мать и отец не вырвали его из лап правосудия, не стали использовать свои связи. Парень просидел не один год!

- Так за дело! - заметил Гриша. - За убийство.

Степан сдвинул брови.

- Понимаешь, матери – они особенные. Даже если сын много зла совершил, она его все равно любит.

- Детей... – пробормотала я, – думала, это оговорка.

- Ты о чем? – не понял Саблин.

Я посмотрела на мужа:

- Лена в разговоре с нами бросила фразу о том, что в случае осуждения Раисы за смерть Ирины никто не вспомнит, как много она сделала для театра, мужа, детей. Детей! Во множественном числе. Обратил внимание на ее слова?

- Нет, – признался супруг, – а ты очень внимательна.

- Я подумала, что Лена нервничает, вот и оговорилась, – пояснила я, – а вон оно как на самом деле, у нее есть брат-уголовник.

- Гриша, что ты можешь сказать о том, за что посадили парня? – продолжал Степан.

- Пока ничего, кроме того, что его за решетку сунули, – пробурчал Саблин, – еще не изучал все материалы.

- Ладно, дам волю фантазии, – решил Степан, – мы знаем, что мальчик не от Никиты. Его отец – другой мужчина. Режиссер небось не особенно любил пасынка, а когда того арестовали, заявил жене: «Не смей при мне даже имя мерзавца упоминать». Рая, всегда послушная, смирилась. Наверное, опытного адвоката Вите не нанимали, передачи ему не носили. Вычеркнули его из состава семьи. Молодому человеку на зоне несладко пришлось, даже чаю вне столовки не попить. На Никиту он, наверное, не злился. Чужой дядя. А вот мать бросила кровиночку. Витя освободился, и куда ему идти? Он решил с матерью поговорить. Тайком проник в театр, вошел в кабинет... Видит, Раиса спиной к двери стоит. Уголовнику кровь бросилась в голову, он схватил фигурку и ударил тетку. Да только это оказалась Ирина. Поняв, что ошибся, Витя сбежал.

- Не узнал мамашу, - рассмеялся Гриша, - ну это из области фантастики.

- Они не виделись много лет, - возразил Степан, - да и злость застит глаза.

Я встала на защиту версии мужа:

- Законная жена и любовница были похожи, обе маленькие, хрупкие. Ада Николаевна до начала совещания позволила себе ехидное замечание: «Леночка, я шла на собрание, смотрю, впереди ваша матушка по коридору идет, какой-то мешок тащит. Я крикнула: «Рая! Не носи тяжести, возраст уже не тот». Она не отреагировала. Догнала ее, взяла за плечо... ба, а это Ирина! Булова с каждым днем становится все больше похожей на Раису. Она прямо ее клон. Всегда ведь была блондинкой! И вдруг! Стала шатенкой, вместо длинных волос - каре, свитер серый, мешок в руке. Рая номер два. Поразительно, на что молодые девушки идут, чтобы роль получить».

Я перевела дух и продолжила:

- Если Ирина стояла в кабинете спиной к двери, то ее можно было спутать с Раисой. Виктор ударил статуэткой мать и удрал, поняв, что в комнату в любое время может кто-нибудь войти. Едва он скрылся, как в кабинет вернулась Рая, увидела тело, бросилась к нему, закричала.

- Но нельзя не учитывать и еще один вариант развития событий, - прервал мое выступление Степан. - Виктор ни при чем. Его и близко у театра не было. Ирина с Раисой повздорили. На пике эмоций Горкина схватила статуэтку, бабах Булову по голове. Та упала и умерла. Раиса перепугалась, заорала: «Помогите!» Елена же, любящая дочь, понятное дело, считает, что мать не способна совершить преступление, поэтому и защищает ее. Вилка, можешь завтра подъехать в театр?

- В полдень у меня назначена встреча с режиссером, - сказала я, - меня там ждут.

- Никита же в реанимации, как с ним можно встретиться? - удивился Саблин.

Я развела руками:

– Шоу должно продолжаться. С издательством «Элефант», которому принадлежат права на книги Арины Виоловой, подписан договор. В случае отказа от работы с моей книгой Горкину придется платить неустойку. Спектакль вместо Никиты поставит некто Игнат Бородин. Лена сказала, что он молодой, но уже опытный режиссер, талантливый, получил какую-то премию.

– Отлично, – обрадовался Степан, – писательница, которая бродит по офису и закулисью, ни у кого не вызовет удивления. Ясное дело, она хочет познакомиться с театром, подышать его воздухом. Да и желание услышать местные сплетни – это очень по-женски. А ты, Гриша, накопи что сможешь на Виктора.

– Иес, босс, – пообещал начальник отдела компьютерного поиска.

Я встала.

– Поеду домой, авось рукописью займусь. Никак книгу не допишу. Нет в голове интересных мыслей.

– Наверное, ты голодна, – предположил Саблин, – если я не поем, то кранты! Ни о чем, кроме жрачки, не могу думать.

– Кстати, у нас дома есть ужин или лучше в буфете поесть? – спросил Степан.

– Ну и вопрос, – протянул Гриша, – у любой бабы всегда есть еда на плите.

Я смутилась. Меня никак нельзя назвать образцовой хозяйкой. Готовить я не люблю и, если уж совсем честно, не умею. Макароны у меня сбиваются в ком, каша всегда подгорает, картошка разваливается. Сложно ли сварить сосиски? Конечно, нет. А у меня они лопаются, выворачиваются в разные стороны. Чтобы Степан не считал меня совершенно косоруким монстром, я покупаю в кафе еду, притаскиваю ее домой и делаю вид, что приготовила котлеты собственными руками.

– Если баба к тридцати годам не научилась кашеварить, ей лучше утопиться, – отрезал Саблин.

- Вилка, не слушай его, - сказал Степа, - лучше живая жена, чем утопленница.

- Ко мне замечание Саблина не имеет отношения, дома холодильник полон вкуснятины, собственноручно мной приготовленной, - соврала я и поспешила на парковку.

Пока Степан побеседует с сотрудниками, пока он соберется домой, пока доедет... Я успею купить всякое-разное и накрыть стол. Прекрасно знаю, в каком лесу можно подстрелить готовые пельмени, пироги, котлеты.

Невероятно, но пробок на шоссе не оказалось. Весьма удивленная этим обстоятельством, я приехала в ресторанчик около дома и спросила у знакомой официантки:

- Нина, что сегодня самое вкусное?

- Пирожки с гонобобелем, - отрапортовала та.

- С кем? - заморгала я. - Или с чем?

- С гонобобелем, - повторила Нина.

- Он кто? - поинтересовалась я. - Гонобобель? Зверь? Овощ?

Нина зашептала:

- Не знаю. Я только заказы на дом принимаю и выдаю. Вера! Вера!

Стройная блондинка не спеша подошла к нам.

- У нашей постоянной клиентки вопрос, - зачастила Нина. - Гонобобель из чего сделан?

- Его не делают. Гонобобель - это продукт, - авторитетно заявила Вера.

- Какой? - спросила я.

– Гонобобель – это гонобобель! – нашла замечательный ответ Вера. – Не сомневайтесь, наши поставки самые гонобобельские, они идут напрямую из Европы.

– Мясо, рыба, овощ, – перечислила я. – Кто он, гонобобель этот?

Лицо Веры стало озадаченным, потом она улыбнулась.

– Наш гонобобель лучший в России, возьмите его, не прогадаете. Свежайший. Сложно объяснить его вкус: он насыщенный, многокрасочный, это взрыв положительных эмоций. Гонобобель некалориен, подходит тем, кто следит за своим весом. В нем масса витаминов, железа...

– Это мясо? – снова задала я конкретный вопрос. – Или рыба?

– Ни рыба, ни мясо, – отвергла оба предположения Вера, – возьмите десяток пирожков, не пожалеете.

– Спасибо. Лучше куриный суп и котлеты из индюшатины, – определилась я. – Пока они готовятся, выпью у стойки чашечку чая.

Минут через десять ко мне подошла Нина и, загадочно улыбаясь, протянула два пакета:

– Ваш заказ.

Я вынула кошелек.

– Спасибо.

– И презент от заведения, – добавила официантка, – пирожки с гонобобелем. Шеф сказал: «Очень понравятся, только их надо есть сразу, в холодильник не класть, потому что гонобобель нельзя замораживать, он живой». В смысле, конечно, не бегают, но это как с колбасой. Если ее в морозилку положить, трудно потом ее есть.

Глава 8

– Если кто не знает, я Игнат Сергеевич Бородин, – представился мужчина, возраст которого мешали определить густая борода и очки. Правда, ни на голове, ни на лице его не было седых волос, но человечество давно изобрело краску.

– Итак, – гремел тем временем Игнат, – детский спектакль должен выйти к...

– Детский? – удивилась я.

– Театр «Семь гномов» много работает для юного зрителя, – заорал Бородин.

– Книга, по которой ставится спектакль, – детектив, – робко вякнула я.

– Прекрасно! – гаркнул Игнат.

– Там четыре убийства, – не утихала я.

– Дети их обожают, – потер руки режиссер. – Я в возрасте двенадцати лет мечтал убить училку по немецкому.

Все, кто находился в комнате, рассмеялись, но мне было не до смеха.

– Не надо ржать, – остановил артистов Игнат, – я реально хотел ее уконтрапупить, ножки стула расшатал. Думал, она сядет, упадет, шею сломает. Но я был в детстве дурачком, рассказал о своем плане лучшему другу, а он меня выдал. Жесть получилась. М-да. Парочка висельников-утопленников в детской пьесе в самый раз. Почему «Красная Шапочка» так популярна? Бабушку там убили, потом волка зарезали, а бабулька выжила. Страшилка!

– Сюжет закручен вокруг мужчины, который на самом деле женщина, – пропищала я, – это не совсем малышам подходит.

– Прекрасно! – восхитился Игнат. – Дети будут в кайфе от нетрадиционного секса.

Я замахала руками:

– Нет, нет! Вы не поняли. Парень одевается, как девушка. Он хочет попасть в дом, где на работу принимают только женщин.

– Шикарно! – завопил Игнат. – Ночь. Темно. На сцене только ночник горит. Музыка тревожная. Появляется девица в одежде горничной, хочет застелить постель хозяина. Владелец дома в халате выходит из ванной. Приближается к прислуге, хватает ее! А она! Мужик! О! Перформанс с пердюмоноклем!

Я потеряла дар речи, а Бородин несл дальше:

– Владелец особняка скидывает халат! Он – женщина! Вуаля, поворотец-коловоротец. Парочка хватается друг друга! Бам! Бам! Барабан стучит! Гаснет ночник. И тишина! И только тяжелое дыхание. Падает занавес! У нас детский спектакль. Мы не кое-кто! Порнухой не балуемся. Все чинно-благородно, с намеком. А уж намек каждый в меру своей продвинутости в сексе поймет. Труляля тополя! Конец пьесы! Аплодисменты. Корзины с цветами. Рецензии повсюду. Одни зрители в восторге, другие бросают в нас горячей лапшой. Получаем все премии. Мне, Виола, ваша книга очень нравится.

– Ничего подобного в ней нет, – пролепетала я.

– Допишем, перепишем, отшлифуем, – пообещал Игнат. – На какой странице у вас первый труп?

– Во второй трети книги, – ответила я.

– Поздновато, – огорчился Бородин. – Перенесем убийство в начало, иначе народ сбежит. Все любят приврать, что обожают Достоевского, но всех от Феди тошнит. Заунывная пьеса – смерть для продажи билетов. Виола! Кого у вас пристрелили первым?

– Отравили, – уточнила я.

- Однофигственно, - весело произнес Игнат. - Кто счастливый трупик?

- Дедушка... - начала я.

Режиссер стукнул ладонью по столу.

- Фу! Старики нам не нужны. На них дети не пойдут. Алиса!

- Слушаю вас, - промурлыкала эффектная блондинка с большой грудью.

- Получишь роль кадавра, - заявил постановщик.

- О! Шеф! Спасибо, - пришла в восторг красавица, - сыграю гениально. Текста много?

- Никакого! - отрезал Игнат. - Но это вторая главная роль.

- И без слов? - растерялась Алиса.

Я потупилась. Хорошенькая блондинка не знает, что кадавр в переводе с французского - труп. Я не владею языком трех мушкетеров, но сие выражение мне известно.

- Отлично, - фонтанировал восторгом Игнат, - роскошно. Открывается занавес. На полу кадавр: Алиса. Лежит обнаженная по пояс. Сиськи наружу. Слышатся шаги! Топ... топ... топ... Страшно, аж жуть!

Я не выдержала:

- Простите, я не ханжа, но обнаженная грудь актрисы в спектакле для школьников неуместна.

- Дети одни в театр не ходят, - возразил Игнат, - их туда на веревке прут мамы и бабки. Увидят они Алискины силиконовые дыни...

- И больше никогда на представление не явятся, - перебила его я.

Игнат потер руки.

– Виола! Никто дважды на одно и то же детское зрелище не шляется! Да и спектакль для взрослых зрители, как правило, единожды посещают. Про долбанутых фанатов я не говорю, они, чтобы полюбоваться на своего кумира, без конца прибегают, и это всем полезно. Нам деньги в кассу, им восторг в сердце, страсть в печень. Так вот! Мамаши и бабульки припрутся домой, начнут возмущаться: «В «Семи гномах» актриса по сцене бегаёт голая!» И что дальше? Папаши и другие мужики в семье, соседи, коллеги по работе – все ломанутся на Алиску посмотреть. Зачем мы Алиску держим? За ее красоту неестественную, за сиськи роскошные, попу бразильскую, ноги обалденные. Алисон у нас намбер уан в плане обнаженки. Вышла, оголилась! Усе! Дальше можно не играть. Пора с шапкой по рядам идти, бабло собирать. В зале цунами эмоций. Бабы от злости-зависти ручки кресел грызут. Мужики разум потеряли. Ясно?

– Ну... – пробормотала я, – вообще-то я написала детективную историю, не эротическую.

– Одно другому не помеха, – отрезал Бородин. – Вы суп едите?

Я удивилась вопросу.

– Иногда.

– Можете потом чай с пирожным слопать?

Я пожала плечами:

– Почему нет? Для десерта всегда местечко найдется.

– Вот и в театре так, – расцвел улыбкой Игнат, – сначала про убийство узнали, потом на Алиску позырили. Искусство – вещь тонкая, оно не похоже на простой предмет с калошей, типа валенок. Спектакль – как рюмка коньяка: наслаждение букетом, приятное послевкусие. И вообще я хоть раз дал вам совет, как книги писать?

Следовало ответить: «У вас просто не было такой возможности, мы познакомились час назад!» Но правила приличия требовали других слов:

- Нет.

Игнат расплылся в улыбке:

- Вот! Почему я молчу, хотя вижу в тексте глупость, тупость и нелепость? Да потому что как успешный во всех смыслах человек знаю: нельзя во всем рубить. Я ничего не смыслю в написании детективов. Раз у писателя в книге хрень нереальная, значит, так ему надо. А вы не лезьте печь компот на моей кухне!

- Варить, - тихо сказала женщина в фиолетовом платье.

Бородин повернулся к ней:

- Ты что-то вякнула, Фая?

- Компот по сути вода, в ней фрукты кипят, - ответила Фаина, - компот нельзя запекать, его варят.

- Это все? Или есть интересные мысли по спектаклю? - вкрадчиво спросил режиссер.

- Да, есть, - ответила Фая. - Алиса - очень красивая девушка. Но обнаженная фигура в детском спектакле, и на мой взгляд, неуместна. Расчет на то, что мужчины побегут смотреть представление для ребят, не оправдается. Зачем им нестись куда-то, когда можно в интернете любых голышек за секунду найти?

- Отлично! Переходим к распределению ролей! - закричал Игнат. - Шесть человек.

- Сколько? - изумилась я. - У меня в книге...

- У меня на сцене, - перебил режиссер, - шестеро! И то много. Дети более четырех лиц не запоминают. Труппа играет Алиса. Медведя - Алексей.

– В книге нет мишки! – подпрыгнула я. – Там вообще нет животных! Кроме комаров, которые...

Игнат кашлянул.

– Виола! Детского спектакля без Михайло Потаповича не бывает. Точка. Вы хотите увидеть свою фиг... э... э... свой роман на сцене? Стать мировой знаменитостью? А? Если да, то слушайте меня! Я тут главный! Я и только я! Есть у вас мысли по этому поводу?

Я попыталась найти подходящие слова, но они, как назло, не отыскались. На языке вертелись выражансы, которые интеллигентная дама никогда не произнесет, она и знать-то их не должна.

– Молчание – знак согласия, – резюмировал Бородин, – напоминаю, у нас подписан контракт. Если решили разорвать его, платите штраф. На чем я остановился?

– Медведь – Алексей, – услужливо подсказала Алиса.

– Спасибо, радость моя, – улыбнулся Игнат. – Колобок – Антонина.

– Колобок! – ахнула я. – А он откуда?

– Фамилия следователя такая будет, – пояснил постановщик. – Название спектакля «Как Колобок Медведя съел». Я только что придумал.

– Гениально, – захлопала в ладоши Алиса, – прекрасно. Смешно и грустно одновременно. Смех сквозь слезы, прямо как у Пушкина.

– С гномами я потом разберусь, – пообещал Игнат, – они не центральные персонажи.

На этот раз я не испытала ни удивления, ни гнева. Гномы так гномы. В конце концов, так можно назвать членов оперативно-следственной группы. Очень даже забавно получится.

– Я осталась без роли? – спросила Фаина.

– Ну что ты, – заулыбался Бородин, – инпосибел. Старуха с метлой прямо для Манониной создана. Ты появишься в начале и подметешь место преступления после того, как Алису уберут. Уверен, с твоим талантом и умением перевоплощаться ты гениально изобразишь уборщицу.

Глава 9

– Пойдемте в примерку, я угощу вас кофе, – предложила мне Фаина после встречи с безумным режиссером, – я привезла сюда маленькую такую машинку. И печенье есть.

Я больше люблю чай, но поскольку поговорить с Фаиной было полезно, с готовностью кивнула:

– Спасибо. Но мне неудобно вас обедать. Может, в кафе зайдем?

Фаина улыбнулась:

– На территории бывшего завода работает шашлычная. Это место общественного питания можно использовать с целью избавления от врагов или мести им. Слопают они вкусняшку от местного повара, и отвезут всех в больницу. А за забором есть только итальянский ресторан у метро. Я туда один раз заглянула, угостилась бефстрогановом по-милански, выпила капучино по-римски. После того похода местная шашлычная кажется мне рестораном со всеми мишленовскими звездами.

– Понятно, – засмеялась я, – угостите меня кофейком, пожалуйста.

– Пойдемте, – предложила Фаина, – не обращайтесь внимания на идиота Бородина. У вас хорошие книги, я читаю их, когда отдохнуть хочу.

– Спасибо, – обрадовалась я, – никогда не прикидывалась, что пишу философские опусы. Не понимаю, почему некоторые читатели нападают на меня

за принадлежность к развлекательному жанру. Я разгружаю мозг. Литература делится на жанры, как меню на блюда: суп, мясо, десерт, одно не заменяет другое, все хорошо в меру.

- От излишка ума горе бывает, - засмеялась Фаина, - об этом еще Грибоедов напоминал. Не упадите, тут ступеньки.

- Здесь есть цокольный этаж? - удивилась я.

- Здание намного больше, чем кажется на первый взгляд, - пояснила Фаина, - безумная территория. Я тут с первого дня существования театра. Да, да, понимаю, о чем вы думаете. У нас с Горкиным никогда не было интимных отношений, мы родственники. Моя мама в юности была женой отца Никиты.

- Вы единокровные брат и сестра? - уточнила я.

- Нет, - возразила Фаина, - Галина Михайловна около года прожила с Сергеем Владимировичем. Потом они развелись. Нам сюда.

Спутница открыла дверь.

- Входите. Садитесь.

- Нельзя назвать эту гримерку просторной, - заметила я, - если я устроюсь на стуле, вам придется стоять, прижавшись к стене. Сюда только вошли крохотный стул, встроенный шкаф да гримерный столик.

Фаина отодвинула створку гардероба.

- Опля!

- Там диванчик, - восхитилась я, - здорово придумано! А почему вы его закрываете дверцей?

- Когда я вселилась сюда, шкаф уже был, - пояснила Фаина, включая крохотную кофемашину. - У меня такого количества вещей, как у той, что тут раньше переодевалась, нет. Поэтому я решила использовать шкафчик как место для

софы. Хотя ко мне мало кто заходить отваживается. Вам какую капсулу зарядить? Мокко или капучино с шоколадом?

- Давайте вторую, - решила я. - А почему к вам не заглядывают?

- За ведьму меня считают, - рассмеялась владелица комнатенки. - Шутка. В каждом театре непременно есть свой призрак, ужасная история, страшная тайна. «Семь гномов» - не исключение. Если вам интересно, могу рассказать.

- С удовольствием вас послушаю, - заверила я.

Фаина подняла подлокотник дивана и достала из открывшегося отсека две кружки, сахар и жестяную коробку с печеньем.

- Да вы просто гений крохотных помещений! - пришла в восторг я.

- Жизнь научила, - ответила Фаина. - Прежде чем я расскажу легенду, надо объяснить, почему я все о заводе знаю. Уже говорила, что моя мама, Галина Михайловна, прожила около года в законном браке с отцом Никиты... Вот ваш кофе.

Я сделала глоток и с тоской посмотрела на чашку. Нужно наладить контакт с актрисой, поэтому придется выпить все. Надеюсь, что рассказ Фаины искупит все мои страдания от пойла, щедро сдобренного ароматизаторами. Но хозяйке комнаты кофе понравился, она быстро выпила одну порцию, сделала вторую и завела повествование.

Галина и Сергей познакомились в метро утром в час пик. Девушку к мужчине прижало в толпе.

- Извините, - сказал Сергей, - я утром салат с чесноком съел.

- Сама его люблю, - хихикнула Галя.

Веселая, не вредная соседка по вагону понравилась Сереже, он проводил ее до работы, увидел вывеску «Художественное училище» на здании и вздохнул:

- Может, у вас там работа для меня найдется?

- Есть свободная ставка, - сказала Галя, - я служу тут бухгалтером, поэтому это знаю. Но она не для тебя.

- Почему? - поинтересовался Сергей.

- Нужен преподаватель по истории живописи, - пояснила его новая знакомая, - с высшим образованием, желательно кандидат наук. Требования высокие, а зарплата не очень велика. Поэтому никто не идет.

- Да, я им точно не подойду, - вздохнул Сергей, - и прописки у меня московской нет. Я неделю назад приехал в столицу. Согласен на любую работу, да нигде не берут.

- Кто ты по образованию? - спросила Галя.

- Окончил десять классов, отслужил в армии, - отрапортовал парень, - это все.

- С таким багажом сложно найти достойное место, - заметила Галя, - а без прописки тебя только по лимиту возьмут на вредное производство, куда москвичи под угрозой расстрела и то не сунутся. Возвращайся домой!

- Никогда! - отрубил Сережа. - Я готов скорее в серной кислоте плавать, чем в убогом колхозе жить. Я там сопьюсь, как мои родители и соседи.

Гале стало жалко провинциала.

- Пошли в училище, напою тебя чаем в буфете, накормлю завтраком. Ты где живешь?

- На вокзале, - признался новый знакомый.

Галина округлила глаза.

- Неуютно. Шагай за мной.

Девушка отвела Сергея в буфет, угостила сосисками с гречкой. Потом позвонила соседке по своей коммунальной квартире:

– Тетя Вера, к вам сейчас приедет Сережа, мой друг. Я дала ему ключи. Он помоется, поспит. Ладно?

Две недели Сергей жил у Гали и доброй старушки в маленькой двушке, правда, в самом центре Москвы. Тетя Вера преподавала в школе домоводство, среди ее учениц была дочь директора завода «Можпышмаш». Училка переговорила с директором, тот взял Сергея на работу кладовщиком.

Через пару месяцев после знакомства с Галей Сергей женился на ней, прописался в коммуналке, стал москвичом. В общей сложности они прожили вместе почти год, а потом из супругов превратились в друзей. Сережа оказался трудолюбивым, хватким, пошел учиться. Тетя Вера умерла, вся квартира отошла молодой паре, которая не оформила развод. Официально они развелись, когда Галя забеременела от другого мужчины, который стал ее вторым супругом и отцом Фаины.

Глава 10

Через несколько лет маленькая двушка наполнилась радостными детскими голосами. В одной комнате ютились Галя с мужем и Фаиной, в другой – Сережа с женой и сыном Никитой. Жили дружно, вели общее хозяйство, скидывались на еду. Поскольку такая коммуна в советские времена могла показаться ревнителям морали гнездом разврата, детям правды не говорили. Фаина и Никита до взрослых лет не знали, что Галя и Сергей – бывшие супруги, считали их сестрой и братом. Истинное положение вещей до юного поколения дошло не сразу, но и тогда в отношениях молодых людей ничего не изменилось, они искренне любили друг друга, считали себя двоюродными родственниками.

Перестройку Сергей встретил директором завода, Галя работала у него главбухом. Они ухитрились приватизировать предприятие. Сережа быстро понял, что кухонная утварь будет приносить убыток, и сократил производство. Кроме того, Горкин одним из первых догадался сдавать бывшие цеха под студии.

Фаина улыбнулась:

– Я здесь все детство провела, играли с Никитой тут в прятки. Иногда мы целый день искали друг друга. Понятное дело, чтобы организовать студии, пришлось все переоборудовать.

Она показала пальцем на потолок:

– Там кабинет Раечки, вернее, одна треть его. Он намного больше моей гримерки. Раньше, в заводское время, он был помещением для льва, который следил за рабочими, и назывался всевидящим оком.

– За производителями сковородок наблюдали хищники? – оторопела я.

Фая расхохоталась:

– Ага! Их выпускали наружу, чтобы порвать на куски лентяев, которые не выполнили план. Шутка. Львом называли мастера, он сидел в стеклянной будке, которая находилась высоко под потолком. Компьютеров тогда не было, видеокамер тоже. Наблюдатель занимал место на высоте. Стеклянные стены позволяли ему следить за каждым рабочим в цеху. Если кто-то бил баклуши или без конца бегал курить, мастер орал по громкой связи: «Иванов! ...! Займись делом! Я тебя предупредил». Этакое всевидящее око! В полу цеха был люк, из него вниз шло нечто вроде шлюза, по нему в упаковочную спускались коробки с продукцией.

Фая обвела комнату рукой.

– Место, где мы находимся, – это часть зала, там сидели контролеры ОТК, проверяли качество продукции. Никита выбрал под театр цех сковородок, потому что к нему легко было пристроить зрительный зал и фойе таким образом, чтобы зрители могли войти с улицы. Получилось здорово. Наверху офис начальства, ниже гримерки, в цоколе склады всякой всячины. Стеклянная будка мастера стояла на «ноге», внутри ее была лестница. Ее не разрушили. И театр обзавелся собственным привидением. Хотите посмотреть?

– На призрак? – уточнила я.

Фаина опять рассмеялась:

- Пошли.

Мы с актрисой вышли в коридор и направились по нему к лестницам.

- Понимаете, где мы находимся? – осведомилась моя спутница.

- Рискую показаться вам полной идиоткой, но признаюсь, что нет, – вздохнула я.

- Мы вернулись в офис, – пояснила актриса, – если двинемся влево, очутимся в зале, где Игнат проводил совещание.

- А-а-а, – протянула я, – посетителям театра надо выдавать карту с подробными пояснениями.

Фаина рассмеялась и проследовала направо, распахнув дверь. Мы вошли в большую комнату с овальным столом.

- Это кабинет Раечки, – пояснила моя спутница, – теперь представьте: вечер. Тишина. Темнота. На диване устроилась пара молодых актеров. Их недавно взяли в штат, новенькие они, ничего пока не знают про театр. Кровь кипит. Любовь-морковь заискрила. Денег нет, квартиру-гостиницу не снять, оба живут с родителями. Где им встречаться? Где сами понимаете чем заняться? В подъезде? На это не всякая девушка согласится. Вот им и пришлось в голову использовать кабинет Раисы из-за царского ложа. В остальных помещениях были кресла, стулья, столы. А у Раи диванище! Ложе императора!

Фаина рассмеялась.

- Представили картину? Парочка в экстазе, у них кульминационный момент. На часах полночь. В театре один дедок-дежурный, он давно спит на раскладушке в своей каморке у служебного входа. Ромео с Джульеттой чувствуют себя в полнейшей безопасности. И вдруг... Сядьте на диван. И закройте глаза.

Я покорно выполнила приказ. Послышался скрип, шорох, потом издалека долетел глухой голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Биография Виолы подробно рассказана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки».

2

Вумен фирст - женщины первые (искаж. англ.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/binokl-dlya-vsevidyaschego-oka>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)